

16 ноября 1983 г., № 262.

«Принадлежит всему человечеству...»

В этом году по инициативе ЮНЕСКО весь мир отмечает 100 лет со дня смерти величайшего из русских писателей — И. С. Тургенева. Имя, которым гордится русская литература, давно превратилось в духовное достояние, принадлежащее всему миру. Ибо хорошо известно, насколько глубоко вошло творчество И. С. Тургенева в культуру многих стран, перечень которых не ограничивается Западом, где он жил, и работал десятилетиями и где оставил о себе память не только как писатель, но и как человек, обладающий исключительными душевными качествами. Высоко почитают И. С. Тургенева и на Востоке, в частности, в Японии, с которой судьба не сталкивала писателя ближе простого любования японскими гравюрами 19 в., наводнившими модные парижские лавки той поры.

«Ни один из русских писателей не читался так усердно по всей Европе, как И. С. Тургенев», — рассказывал в свое время Георг Брандес. Писателем «скорее международным, нежели русским», назвал он Тургенева, имея в виду беспредельность его литературных контактов, способность его легко и органично вливаться в общую атмосферу культурного мира разных стран Европы, отвечая эстетическим вкусам, потребностям и нуждам европейского общества.

Именно благодаря тургеневским романам, по которым, следуя словам того же датского литературоведа, Европа «еще долго будет изучать русскую историю», у западного читателя впервые складывается образ России того времени, формируется и создается представление о русском человеке середины и конца 19 в., о тех социальных и нравственных проблемах, которые тревожат его. Об открытии в лице И. С. Тургенева «нового мира», доселе неизвестного, говорят зарубежные современники русского писателя, оставившие после его смерти огромное количество статей, очерков, эссе, воспоминаний, созданных, казалось бы, с единственной целью — отразить глубину почитания и восхищения талантом русского художника слова, преклонить голову перед мастерством его.

Но русская литература, ее проблемы и особенности еще даже в большей степени, чем на Западе, оставались неизведанными, новыми и неожиданными и для читателей стран Востока, среди которых особого интереса заслуживает Япония в силу исключительности той роли, которая с самого начала отводилась тургеневским сочинениям в литературной жизни этой страны.

Впервые русская литература по-настоящему заявила о себе широкому кругу японских читателей в 1888 г., когда Фабатеом Симеом был осуществлен перевод на японский язык двух тургеневских рассказов — «Свидания» и «Трех встреч».

Огромное многообразие нового, пришедшего со стороны Запада, не похожего на то, что присутствовало в литературе Японии до сей поры, поставило японского читателя перед необходимостью определить свое отношение к столь разнородным по своему характеру литературным творениям.

И тем более велико на фоне создавшейся литературной ситуации значение того факта, что И. С. Тургенева первым среди всех русских художников слова сумел проникнуть в духовную жизнь японского народа и в лице своем объяснить о существовании богатого и неисчерпаемого мира русской литературы. И снова, как и в Европе, без ведома его он становится своего рода духовным, эстетиче-

ским мостом, соединившим литературную жизнь России с культурой далекой Японии.

Нужно знать своеобразие путей развития японской словесности вплоть до революции Мэйдзи 1868 г. когда, наконец, осуществилось открытие страны, в результате чего японский читатель получил возможность широкого общения с мировой культурой; нужно знать о мучительных исканиях молодых литераторов в первые десятилетия после революции, чтобы в полной мере составить представление о том колоссальном впечатлении, которое произвели первые же переводы на японский язык тургеневских рассказов.

Имя русского писателя, ставшее фактом уже собственно японской литературы в силу непереоценимого воздействия его на умы и сознание молодых японских авторов, неотделимо от первого опыта, предприняемого японцами, создать литературу нового типа, где поднимались бы серьезные общественные проблемы, раскрывалось бы нравственное сознание человека, что возможно было осуществить лишь средствами критического реализма и чего лишена была японская литература до сей поры.

При всем при этом особый интерес представляет не только факт объективного воздействия русской литературы, И. С. Тургенева на японцев, а субъективное признание этого факта самими японцами. Известная 7-томная «Большая японская литературная энциклопедия», выпущенная в 1977 г., сочла необходимым поместить специальную статью «Влияние русской литературы» (не сделав того же ни для какой другой литературы), в которой рождение нового метода — критического реализма — связывает с упомянутыми переводами тургеневских рассказов: «Эти переводы зажгли в истории литературы нашей страны небывалый по яркости свет; вместе с тем, они показали всем блистательное существование русской литературы... Во всяком случае, не было бы ошибкой сказать, что вся линия реализма, представленная в дальнейшем творчестве Учиды Роан и Куникада Doppo, поистине пошла от «Свидания» и «Трех встреч» Тургенева».

Литературная учеба у русского писателя обрела такой широкий размах, какого не знал ни один из западных писателей, известных в Японии.

Последующие годы показали, что увлечение русским писателем в Японии не было кратковременным и преходящим. И хотя после первой мировой войны на духовную жизнь этой страны оказали сильнейшее воздействие произведения Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, имя И. С. Тургенева не потеряло своего значения. Напротив, именно в эти годы мы наблюдаем очередной всплеск популярности русского писателя в Японии: конкурируют издательства, издавая одно собрание его сочинений за другим, соперничают переводчики, добиваясь точности и филигранности в передаче красоты подлинника. Духовным, эстетическим мостом И. С. Тургенева можно назвать еще и в другом смысле. В своем отношении к русскому писателю происходит единение читательских мнений Востока и Запада. Как заявление о всечеловеческой миссии его звучат слова, произнесенные одним из современников Тургенева, жившего во Франции, — Эдмона Абу: «Ваше сердце принадлежит всему человечеству».

Е. МАЛИНИНА,
аспирантка НГУ.